

Артур Геден

ЛИЛИТ

Неуловимая звезда
Сен-Жермена

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Гедеон, Артур.

Г28   Лилит. Неуловимая звезда Сен-Жермена / Артур Гедеон. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-229821-9

Московский ученый-отшельник Лев Денисович Рудин работает над созданием эликсира бессмертия. Но трагедия прерывает эксперимент в тот самый день, когда результат достигнут! Рецепт и сам эликсир похищены безжалостными злоумышленниками. Кто они и как воспользуются открытием гениального ученого?

Этим вопросом задаются два детектива – Андрей Крымов и его куратор Антон Антонович Долгополов. Им предстоит отправиться в опасное путешествие как в реальности, так и в мире магии. Побывать в сердце Гималаев, в таинственной Шамбале, а по дороге узнать, что Лилит, демон в женском обличье, готовится отомстить человечеству и небесам, и в этой последней войне никому не будет пощады...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229821-9

© Гедеон А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Он мчался по широкой трассе из Москвы в пригород, но ему казалось, что в эти минуты под проливным дождем он несется через Вселенную. Летит на звездолете! Потому что голова его шла кругом, сердце бешено стучало и дыхание прерывалось от ощущения великой победы. Сам Колумб не испытывал такого восторга, увидев сквозь расходящийся туман берег нового континента!

Щедрый летний дождь упрямо бил в лобовое стекло его машины. Старательно работали дворники. В мутном потоке изредка возникали фары несущихся навстречу автомобилей: летящие призраки, не более того. И две полосы черного леса по обе стороны трассы тоже казались ему призрачными. Пару раз на крутых поворотах он рисковал слететь с трассы. Весь мир представлялся молодому ученому Виктору Осокину нереальным, зыбким, готовым к тому, что его вот-вот подхватит и унесет прочь ветер.

Только одно сейчас было реально: ЭЛИКСИР!

Всего час назад в лаборатории института он получил его. Нет, не он придумал формулу — его педагог и на-

учный руководитель, академик, старый демиург, гениальный Лев Денисович Рудин. К нему в подмосковный поселок Красные Ключи он сейчас и ехал в непогоду. Рудин сказал ему: «Когда добавишь последний, седьмой реагент, раствор станет золотым. Ты ничего не перепутаешь, Виктор. Он заискрится так, что ты зажмуришься поневоле. А потом счастье переполнит твое сердце. Сдержи этот рев восторга. Усмири его. Переведи дыхание. Я буду ждать твоего звонка. А потом сразу ко мне. И будь осторожен по дороге».

И вот теперь он летел в Красные Ключи, и проливной дождь полоскал его джип, и неистово работали дворники на лобовом стекле. А сердце так и выпрыгивало от восторга. Все можно было сделать и в домашней лаборатории Рудина, в его особняке, этот дом представлял собой научный институт в миниатюре, но буквально вчера молодая перепуганная лисица проникла в его лабораторию и разнесла ее. А тянуть они не могли, да и не хотели. Пришлось все делать в институте, только вот Лев Денисович Рудин слег с простудой, и все упало на его, Осокина, плечи. Но он был не против! Даже втайне ликовал от мысли, что сам, в одиночку, по формуле учителя воплотил в жизнь величайшую идею человечества.

Теперь он был не помощником, а соавтором гениального творения. Ехать оставалось не более получаса.

Но что это? Впереди на трассе за стеной дождя показалось белое пятно — в свете дальних фар оно все увеличивалось, пока изумленный Виктор Осокин резко не сбавил скорость. Что, корова? В такую вот непогоду? Отбилась, сбежала? Подумать только! Да нет, мелковато животное для коровы. Или коза? Нет, крупнее. Теленок?..

ЛИЛИТ. Неуловимая звезда Сен-Жермена

Осокин остановился в двадцати шагах от животного — то стояло у него на пути под проливным дождем и упрямо смотрело в его сторону. Да что же это? Он не верил своим глазам.

Осокин открыл дверцу и вышел из машины. Ему бы чем-нибудь вооружиться, но эта мысль поздно пришла в голову. И все-таки он не верил своим глазам, пока осторожно ступал вперед. Дождь лил за шиворот молодому ученому, но Виктор не замечал дискомфорта. Летняя ночь была теплой, но холодок уже колко бежал по его спине. Белоснежное животное, по шерсти которого обильно стекала вода, оказалось и впрямь размером с небольшого телянка, это да, но что-то с ним было не так! Осокин остановился в десяти шагах от животного. В ослепительном свете фар на него упрямо смотрел Единорог! Да-да, копытное животное с единственным рогом во лбу. С длинным узловатым крученым рогом, который, если присмотреться к нему внимательнее, выглядел весьма угрожающе. Осокин даже ущипнул себя за руку — не сон ли это? Что делало это сказочное животное на трассе среди ночной тьмы? И почему так внимательно и даже пугающе смотрело на него, Виктора Осокина, словно именно его и поджидало здесь в этот час?

Так что это, призрак, видение, галлюцинация? Но Единорог приветственно кивнул Осокину, причем снизу вверх и панибратски, и ученый автоматически ответил кивком диковинному созданию. Осокин даже не замечал дождя, который уже промочил его почти насковзь, стекал по лицу и заливал глаза. Сейчас он как будто переступил порог, за которым заканчивался реальный мир и открывался другой, манящий, но еще более пугающий. У него в голове про-

неслась мысль, а не надышался ли он парами волшебного эликсира, пока готовил его по формуле учителя, не в состоянии ли он наркотического опьянения, о возможности которого ему забыл рассказать профессор Рудин.

— Кто ты? — силпло спросил Осокин и сам вздрогнул и от своего незнакомого голоса, и от заданного вопроса. И повторил громче: — Кто ты?

— Орловский рысак, — хрипловато ответило животное. — Только что с Эпсомских скачек. — Насмешка звучала в его тоне. — Не видишь?

— Нет, — покачал головой Осокин. — Ты — Единорог.

— А чего тогда спрашиваешь? — спросило белоснежное животное, по шерсти которого катилась вода. — Глазам верить надо, Витя.

— Ты знаешь меня? — прошептал Осокин.

— Еще как знаю.

Может быть, он попал в аварию, судорожно решал Осокин, и сейчас находится в коме, и все это лишь его галлюцинации?

— Лучше скажи, куда едешь, Витя? — вдруг спросил Единорог.

Да, он точно наглотался паров эликсира! Ведь райский запах шел от него — тысяч благоуханных цветов. И теперь, по-простецки говоря, у него ехала крыша. Вот что с ним происходило сейчас. Надо бы просто съехать с дороги и отдышаться...

— Тебя ведь не существует, правда? — спросил Осокин.

— Кривда, — с насмешкой ответил Единорог. — Говори, умник, не стесняйся, куда путь держишь? — настойчиво поторопило его животное.

ЛИЛИТ. Неуловимая звезда Сен-Жермена

— А тебе зачем это знать?

— Надо, — загадочно ответило животное.

— Еду к себе домой, — ответил Осокин и смахнул с лица капли воды.

— Только дом твой в другой стороне.

И ведь все знает его галлюцинация! Ответ прост: потому что он сам это знает.

— Еду к своему научному руководителю, — вдруг честно ответил Осокин.

— Теплее, — усмехнулся Единорог. — А что ты ему везешь?

— Подарок.

— Хорошо. А что за подарок?

— А это уже мое дело. Не твое.

— Нет, это как раз мое дело, — сказал Единорог и двинулся к нему. — Отдай мне его, свой подарок. — Животное остановилось в трех шагах от Осокина, и того вдруг парализовало от страха: глаза Единорога оказались кровавыми, как у разгневанного быка. — Ты ведь изобрел что-то, верно?

— Откуда ты знаешь?

— Так верно или нет?

Осокин отступил на шаг, другой.

— Верно.

Единорог сделал эти два шага к нему:

— И что же вы с ним изобрели, с твоим руководителем?

— Что надо, то и изобрели.

— Ну да, конечно, что надо. А кому надо?

Но Осокин и не знал толком, что ответить. Потому что это изобретение было сколь гениальным, столь и опасным,

и уж точно это было не лекарство от рака, которое немедленно стоило бы открыть всему миру. Тут — другое...

— Сказать не можешь, верно? — задал наводящий вопрос Единорог. — Нашел алмаз с куриное яйцо, а куда приспособить его, и не знаешь.

— Я хочу уехать, — сказал Осокин и отступил еще и еще, пока не уперся спиной в бампер своего джипа.

— И он сейчас ждет тебя, твой учитель?

— Ждет.

И тут Единорог омерзительно и мелко рассмеялся, и угроза была в каждом его резком кашляющем смешке. От пугающего веселья животного и колющего взгляда, так похожего на человеческий, Осокину стало совсем плохо. Что-то роковое и страшное нависло сейчас над ним. От чего не убежать, не укрыться.

— И что вы, умники, будете делать со своим изобретением? — спросил намокший зверь с торчащим из лба рогом. — С эликсиром?

Именно зверем, а не животным он сейчас показался трепетавшему Виктору Осокину.

— Мы найдем, как им распорядиться. А откуда ты о нем знаешь, Единорог?

Но тот как будто не услышал его.

— Подарите миру? Спрячете до лучших времен? Упьетесь им и полетите к звездам? — зверь кивнул узловатым костяным рогом в беспросветно черное небо, сейчас извергающее на них потоки воды. — Или это средство только для одного, для него, твоего учителя, гения, а ты лишь так, с краю?

На встречной полосе вспыхнули фары, машина стремительно приближалась, свет полыхнул по собеседни-

ЛИЛИТ. Неуловимая звезда Сен-Жермена

кам, и тень от Единорога протянулась к ногам Осокина, и на мгновение Виктор увидел, что это тень вовсе не животного, а огромного мужчины в мешковатом плаще и шляпе с короткими полями. Нет, такого не могло быть — еще один мираж!

Единорог подступил чуть ближе и теперь стоял в двух шагах от Осокина.

— А теперь слушай меня, Витя. Отдай формулу и эликсир мне и поезжай домой.

— Зачем?

— Занадом. И забудь обо всем. Слышишь, Витя?

— Не отдам, — осторожно покачал головой Осокин.

— Эх, Витя. Надо было тебе, как твой дядька Сомин говорил, запойный алкоголик, в сельскохозяйственный идти, по дедовым стопам. А не в генетику. Сечешь?

— Откуда ты знаешь про дядьку Сомина? И про то, что он запойный был?

— А я много чего знаю, мне так положено. Так не отдашь?

— Не отдам.

— Точно?

— Точно.

Единорог смотрел и смотрел ему в глаза — колко, цепко, гневно.

— Хорошо подумал?

— Хорошо.

— Ну ладно, как скажешь, умник.

И бросив это уже иным тоном — беспощадного палача, у которого в руках занесенный топор, Единорог нацелился, пружинисто метнулся в его сторону и пырнул его костяным рогом в живот. И ловко отскочил назад.

Осокин, которого как будто прожгли насквозь раскаленным прутом, вобрал в себя воздух, сколько было можно, и стал оседать на асфальт. И тут он увидел, как белый единорог под дождем превращается в огромного мужчину в черном плаще и шляпе с короткими полями, какие любят носить рок-музыканты и хипстеры, с черной окладистой бородой, с золотой серьгой в ухе. В руке бородач держал здоровенный тесак — таким в столовых когда-то резали хлеб. И вновь Осокин не верил своим глазам и даже не понимал, спит он и видит кошмар из кошмаров или все вокруг явь, с ним это происходит или с другим человеком, а он только смотрит фантастический фильм.

— Что, дядя, допрыгался? — спросил бородач. — Оно того стоило?

— Зачем? — прошептал Осокин, едва шевеля языком от острой боли. — Зачем вы это?..

— Занадом, — повторил корявую фразу громила.

— Кто вы такой?

И наконец опустился и чуть криво сел. На асфальт уже натекла лужа крови из распоротой брюшной аорты, но дождь мгновенно размывал алое пятно.

— Ангел смерти, — усмехнулся бородач, — твой личный ангел смерти, — он ответил, отер о плечо молодого ученого свой тесак и заправил его в ножны, висевшие под расстегнутым плащом. — Зря ты вмешался в это дело, дядя, ой, зря. — Громила сетовал как бы между прочим, то и дело поглядывая в сторону, словно дожидаясь кого-то. — Не в свое вперся, дурак ты, дело.

У Осокина уже мир плыл перед глазами. Боль, поразившая живот, притуплялась. Просто уходила кровь,

ЛИЛИТ. Неуловимая звезда Сен-Жермена

и ему становилось все холоднее под теплым проливным летним дождем.

— Твой учитель-то, небось, все знал, а тебе лишь зернышко с ладони давал склевать, — усмехнулся бородач, — не более того. А ты, дурачина, и радовался. А вон оно как вышло-то.

Последнее, что увидел умирающий Осокин, это как на трассе под стеной дождя появилась женщина в длинном черном плаще, перетянута на осиной талии широким кожаным ремнем, с глубоко наброшенным капюшоном — она шла в их сторону...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Напиток богов

1

В это лето Антон Антонович Долгополов впервые выбрался к Волге, и теперь они с Крымовым шли от порта вдоль набережной, наблюдая, как слева по широкой синей реке идут редкие белые теплоходы, бегут трамвайчики, тянутся баржи, шустро летают белоснежные катера и лодки. Плавают у берега те бронзовые купальщики, что торчат на пляже до захода солнца, и под присмотром своих родителей резвятся на прибрежном песке детки, которые ни за какие коврижки не хотят идти домой, от одной этой мысли бросаясь в истерику и рев. Вооруженные совочками, они упорно строят из прибрежного песка свои хижинки и нехитрые дворцы, и, может быть, из таких деток и будет толк.

А Крымов и Долгополов все шли и шли вдоль самой длинной волжской набережной, одетой в камень и чугун...

Близился вечер, и народ сползал с царевских холмов, стекался из городских кварталов сюда, на благословен-

ЛИЛИТ. Неуловимая звезда Сен-Жермена

ную землю со множеством кафе на зеленой парковой полосе. Всюду назойливо играла музыка.

Антон Антонович в мешковатом парусиновом костюме, забросив руки за спину, косолапо шагал, как старый грозный гусак, еще готовый ущипнуть за ляжку или икру неосторожного прохожего. Светились закатным золотом его вспененная седая шевелюра и такие же прозрачные пышные бакенбарды. Пружинистой неспешной походкой шел рядом с ним Андрей Крымов.

— Скажу вам так, Андрей Петрович. Господь создал для человека идеальный мир. Дом родной! Со своими правилами и обычаями. Дал с десятков заповедей. По самым скромным подсчетам. Это можно, это нельзя. Определил границы жизни и смерти. Кое-как, но человек освоил этот мир. Освоил хреново, разумеется, с мордобоем, но куда деваться? Уж какой есть человек, такой и есть. Природа греха. Может, и с червоточиной вышел мир, но все-таки он как-то да существует. И тут появляются умники, которым неймется! Все хотят переделать на свой лад. На радость прародителю зла. И назло Господу Богу. И некоторые, как вы сами помните, с чем мы сталкивались много раз, преуспевают в этих вот усилиях. Вырываются вперед! Все им надо к звездам. И не как Юрию Гагарину или Нилу Армстронгу, нет, им надо к иным вершинам! Сверхчеловечками хотят стать они.

— Вы так издалека начали. — Крымов достал пачку неизменного «Мальборо», выбил сигарету, зацепил губами, щелкнул зажигалкой и закурил. — Я даже не знаю, куда выведет ваш рассказ, в какую заоблачную даль.

— Выведет, еще как выведет, — заверил его Долгополов. — И еще в какую заоблачную. Пойдемте к парапету.

— Хорошо, пошли.

Они подошли к широким чугунным перилам и облокотились на них. Внизу группа молодых людей бойко играла на песке в волейбол. Загорелые, в шортах и плавках, парни ловко и громко били по мячу. Попадали в сетку. Несколько девушек в купальниках оживленно болели за своих парней. Недалеко под грибком, под «божьей коровкой», на лавочке отдыхала пара старичков, муж и жена. Клевали носами. Чуть дальше вдоль берега лежали на своих покрывалах забронзовевшие купальщицы и купальщицы разных возрастов.

— Так вот, коллега, мои люди уже давно следят за одним престранным персонажем, генетиком, лауреатом Нобелевской премии, неким Рудиным Львом Денисовичем.

— Здесь следят, в Цареве? — сморщился через дым Крымов.

— Да нет, конечно, в столице, — тоже поморщился Долгополов. — В нашем Цареве можно только балдеть летом под солнышком на пляже, — кивнул он на береговую линию песка с отдыхающими, — или пить коньяк в холодные метельные зимы. Какие тут изыскания? Повторяю, Рудин — академик, профессор, затворник. Но тот затворник, что не сидит без дела. Таковым, ушедшим от дел, он выглядит для всего мира. Живет так, будто и нет его. Изредка появится в своем институте генетики, буквально как призрак, пошерудит в лаборатории, и обратно. А на самом деле этот трудяга ведет самую активную научную жизнь. — Антон Антонович достал из кармана айфон. — Вот, посмотрите на него.

ЛИЛИТ. Неуловимая звезда Сен-Жермена

Крымов с любопытством уставился на экран. В прогалине между досок за листьями сада в профиль к паразити сидел в большом плетеном кресле пожилой стройный мужчина в джемпере и читал книгу. Седая шевелюра, умнейшее одухотворенное лицо.

— Кресло почти как у вас, — заметил Крымов. — Из «Дачной вселенной», я так думаю.

— Да? Верно. Фото снято тайно, из другого сада.

— Это я уже понял. Благородная внешность, кстати.

— Еще какая благородная.

— На злодея совсем не похож. А он злодей?

— Понятия не имею, пока. Это нам с вами и предстоит узнать. Так вот, я не просто так заговорил о червоточинах этого мира. Последние годы он занимается тайными изысканиями, которые к магии имеют куда большее отношение, чем к науке. А еще точнее, объединяет эти две силы.

— А он похож на чародея, этот ваш Рудин.

— Очень похож! И ведь лицо его так мне знакомо, но почему? Но я продолжаю. В Красных Ключах, в Академическом поселке, это на северном направлении от Москвы, у Рудина есть своя большая дача, доставшаяся ему от предыдущего академика. Он ее выкупил. И на этой даче, на цокольном этаже, у него есть огромная и очень дорогая лаборатория. На этой фотографии справа видно одно из ее окошек. И в дом самого Рудина-то попадет не каждый, а в лабораторию вход запрещен всем.

Крымов сбил остатки горящего пепла вниз, огляделся, увидел рядом с лавкой урну, направился к ней, прилежно выбросил окурки и вернулся к перилам.